

Глам
НЕЛЬЗЯ

ВИКТОРИЯ ЛУКЬЯНОВА

Виктория Лукьянова

Нам нельзя

«Автор»

2023

Лукьянова В.

Нам нельзя / В. Лукьянова — «Автор», 2023

— Слушай внимательно, — продолжает говорить Арсений, сжимая мои ладони. Руки у него крепкие и горячие. — Моя первая просьба: через два месяца ты уберёшься прочь из этого дома, и мы больше никогда не увидимся. Я киваю. — И вторая, — делает паузу, отчего я начинаю ещё больше нервничать, — ты поможешь мне разрушить их брак. Они должны развестись. И чем быстрее это случится, тем лучше для нас обоих. Ты же со мной согласна? Всё начинается со свадьбы. Моя мама вновь выходит замуж за состоятельного и влиятельного человека, и вроде бы меня это не должно касаться, ведь между мной и родительницей нет ничего общего, она практически не участвует в моей жизни, но вот её муж считает иначе. Одно желание угодить, одна слабость, и я переезжаю в чужой дом, где едва ли не каждый день должна выживать, сопротивляясь натиску сводного брата и пытаюсь понять, почему же новый муж мамы так добр и внимателен ко мне. Слишком добр...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктория Лукьянова

Нам нельзя

Пролог

Барабаню кулаком в дверь что есть сил, но никто не отвечает. Вдавливаю кнопку звонка, но результат тот же. По моим щекам катятся слезы. Меня колотит, обжигает ледяным ужасом. Так страшно, что даже дышать получается урывками.

– Открой! Ну же! – кричу я, продолжая бой с дверью.

Совсем недавно у меня были ключи от этого замка. Хотя нет. Замок уже не тот. Я смотрю на металлический глазок, который блестит чистотой, и понимаю, что он новый. Она сменила даже замки.

Выдыхаю, прикладывая ладонь к дверному полотну.

– Открой, пожалуйста, – шепчу, не сдерживая слез.

Мне плохо. Очень плохо. А она единственная, кто может помочь. Я хочу слышать ее ворчливые замечания, ее грубый голос. Я хочу знать, что поступила верно, и она меня поддержит.

– Пожалуйста, – умоляю, продолжая колотить в дверь, – открой. Тетя!

И она открывает. Не сразу. Я едва не сползаю на колени, желая обхватить себя руками и рыдать на пороге чужого для меня дома. Смотрю на тетю. Она медленно качает головой, и мне становится по-настоящему страшно. Что с ней стало? Почему она выглядит так?

Потрепанный халат скрывает ее некогда крепкое тело, кожа бледная, под глазами темные круги. Волосы топорщатся клочками в разные стороны. Губы потрескались. Я цепляюсь за каждую деталь, которую помнила едва ли не всю свою жизнь, и, пораженная, замираю на месте. Что с ней произошло?

– Тетя?

– Здравствуй, Элла, – шепчет она дрожащим голосом и отступает, приглашая меня войти. – Я не ждала тебя. Предупредила бы...

– Тетя? – продолжаю повторять, делая первый неуверенный шаг. – Что с тобой?

Тянусь к ней, позабыв о собственных горестях.

Она не позволяет к себе прикоснуться. Только стягивает широкий пояс халата и отходит. Я делаю второй шаг, переступая через порог, и сразу в нос ударяет затхлый запах, царящий в полумраке некогда родной квартиры.

– Ты как? – спрашивает она, дотрагиваясь до двери. Закрывает ее, но на меня не смотрит. – Давненько не виделась.

– Прошло совсем немного, – уточняю я, с ужасом понимая, что тетя словно отсутствует здесь.

Я вижу ее, могу коснуться, но в то же время она словно призрак с пустыми глазами. Где та энергия, что сбивала любого с ног? Где та мощь, о которой я мечтала, подражая тете? Где та невиданная сила, губившая ее врагов? Где это все? Почему она похожа на привидение, запертое в квартире-клетке?

– Да, немного, – призадумавшись, она соглашается. – Что-то я совсем сбилась со счета. Кстати, будешь чай? Идем, я угощу тебя печеньем. Ты, наверное, устала с дороги, – бормочет себе под нос и, разворачиваясь, направляется на кухню.

Я бреду следом, осматриваюсь. Мир, который так был близок мне и дорог, потерял все. Что здесь произошло? Почему так давят стены и так сложно дышать полной грудью? Я хотела найти здесь спасение после всего, что произошло, а нахожу лишь застывший в воздухе страх.

– Тетя, – шепчу, входя на кухню.

Она сидит за столом, сложив перед собой руки. Смотрит куда-то вперед. Я подхожу, кладу ладони на ее руки. Тетя вздрагивает.

– О, прости. Кажется, я призадумалась...

– Тетя, что с тобой?

Она поднимает голову, и я могу видеть смущенную улыбку на ее потрескавшихся тонких губах.

– Прости меня, малышка. Прости... Я не должна была отпускать тебя. Столько плохого там произошло... Столько ужасного с тобой случилось... Она не достойна быть твоей матерью...

Тетя продолжает бормотать, опустив голову, а я уже и не слушаю. Прижимаясь к ней, обвиваю руками, словно хочу защитить эту слабую женщину и погружаюсь в мысли, вдыхая слабый аромат сигаретного дыма от ее волос.

– Нам нельзя... – ее последние слова звучат, как гром. Я вздрагиваю и смотрю на тетю.

– Что нельзя?

Она вновь поднимает голову, и я вижу на ее бледном лице слезы.

– Нам нельзя любить, девочка. Нельзя. Мы сеем только зло...

Глава 1

Ранее

– Не смотри на них так, – голос тети доносится до меня как через вату.

Вздрагиваю, моргаю и оборачиваюсь. Делаю это резко, выдавая себя с потрохами. Хотя кого я пытаюсь обмануть? Тетю? Да она в жизни не поверит моей лжи, потому что знает меня слишком хорошо.

– Не нравится, да? – Тетя подносит к губам тонкую сигарету и делает затяжку. Я смотрю, как на кончике вспыхивает алый огонек, который тут же исчезает, и не дышу, потому что ненавижу, когда тетя курит в моем присутствии. Но разве ее это останавливает?

Она выдыхает белое облачко дыма и усмехается.

– Дыши уже.

И я делаю вдох, хотя знаю, что немного дыма попадет в мои легкие. Уже привыкла, хоть и злюсь на нее. Но тетя такая была всегда, еще до моего появления на этот свет. Она даже улыбается не так, как остальные люди. Жесткие черты, хриплый смех. Я могла бы назвать ее красивой, но знаю, что она терпеть не может подобные комплименты, считая, что ей лгут. Ведь себя она красавицей не считает, в отличие от той, ради кого мы все собрались.

– Посмотри на них, – кивает тетя в сторону.

Я не тороплюсь оборачиваться, хотя и приходится это сделать. Слышу, как музыка смолкает и вперед выходит кто-то из гостей. Видимо, будет толкать пафосную речь в честь новобрачных. Звучит странно, но я уже привыкла к странностям. Я вообще ко многому привыкла, разве что... Нет, даже думать не хочу.

– Белое платье, – ухмыляется тетя. – Сама невинность, и это в тридцать шесть, да еще после двух браков. Твоя мамочка меня поражает.

Я слатаываю, старательно пропуская колкие замечания мимо ушей.

– Не думаю, что белый цвет сейчас считается цветом невинности у невест, – тихонько подмечаю, потому что молчать дальше нельзя. Тетя ненавидит, когда я замыкаюсь в себе. Тогда она хватается меня за плечо и хорошенько трясет, пока я что-нибудь не скажу. Не хотелось бы, чтобы подобная сцена разыгралась на свадьбе моей матери.

– Сейчас все не так. – Тетя встает рядом со мной и делает новую затяжку. Вновь не дышу, пусть и понимаю, что это бесполезно. – Лучше скажи мне, дорогая моя, как тебе новый папочка? Хорош, не правда ли?

Иногда мне хочется залить уши воском, чтобы только не слышать эту женщину. Яд, которым сочится каждое слово, отравляет и меня. Пожалуй, от столь кардинального и совершенно небезопасного поступка меня останавливает лишь то, что тетя – единственный человек, кому я нужна.

Вместо ответа я невольно перевожу взгляд на новобрачных и смущаюсь, потому что смотреть на их поцелуй просто так невозможно. Слишком откровенно, но в то же время для меня любой поцелуй на публике – откровение. Вот такая я выросла. Скромная, зажатая, молчаливая. И совершенно не подготовленная к большому и ужасному миру.

– И почему ей всегда везет на богатых и красивых? – задумчиво произносит тетя, несколько не смущаясь поцелуями пары. – Миллионер, да еще с внешностью аристократа. Ты только глянь на его скулы! Острые, как ножи.

Наверное, так и есть, но я опускаю взгляд, лишь бы не быть пойманной за рассматриванием нового мужа моей матери. Знаю лишь одно – тетя права. Он хорош. Дьявольски хорош, и это пугает. Его зовут Станислав Самойлов, и он действительно миллионер. Насколько мне

известно из гугла, хотя информации там критически мало. Знаю лишь то, что он финансист, ни каким боком не связан с миром кино или театра, и с мамой познакомился на какой-то выставке. Последнее мне известно от тети, ведь она – мой основной источник информации. И только от нее я узнаю о жизни матери, когда та предпочитает меня игнорировать, впрочем, делает она это практически с самого моего рождения.

– Вот только надолго ли? – протягивает тетя, теперь смотря на меня.

Приходится пожать плечами, потому что иного ответа у меня нет. Если проанализировать жизнь моей матери, то можно смело заверить – их брак развалился через несколько лет. Но все может сложиться иначе, и проживут они долго и счастливо до самой старости, вот только при любом раскладе для меня в их жизни нет места.

Я – бракованная партия. Впрочем, больше попыток мама не предпринимала, видимо, решив, что и одного ребенка ей достаточно. Все остальное время она тратит лишь на свою жизнь.

– Пойдем к столу? – зовет тетя, и я наконец-то начинаю обращать внимание на мир вокруг себя. Гости покидают танцпол и гуськом направляются к широким столам. Празднество в самом разгаре, и мне приходится играть свою роль, потому что вариантов-то больше нет. На моем присутствии настояла мать. Как тетя позже сказала: «Ей нужна красивая картинка. Ты всего лишь декор, запомни это, детка».

И я помню. К сожалению, тетя никогда не ошибается.

Наш столик располагается рядом с главным столом, за которым сидят новобрачные. Отчего-то для самых близких родственников со стороны невесты не нашлось места там, хотя я не считаю данный факт упущением. Может быть, так даже лучше. По крайней мере, мне не нужно каждую секунду напоминать себе улыбаться и быть миленькой дочуркой обворожительной невесты. Есть лишь один нюанс – я сижу так, что могу видеть маму и ее мужа, и лучше бы мне не смотреть на них, потому что тетя то и дело косится в мою сторону и укоризненно качает головой.

Значит, я вновь смотрю *не так*.

– Расслабься, – повторяет она и, вольготно развалившись на стуле, потягивает шампанское.

Мне бы ее способность чувствовать себя в своей тарелке в любом месте, но, увы, таким талантом не обладаю. Зато извожу себя получше остальных, то покусывая губу, то крутя под столом салфетку. Аппетита нет, как и желания находиться здесь.

Против воли поднимаю глаза от созерцания тарелки и смотрю на маму, потому что в этот момент она заливисто смеется и прижимается к мужу. Да, теперь он ее муж. Но отчего-то мне неприятно думать о нем как о человеке, который будет жить с ней.

Наверное, это зависть. Да, тетя бы так и сказала. Я завидую матери, ведь у нее теперь новая семья. А что у меня?

Осторожно кошусь в сторону тети. Она. У меня есть только она.

Невольно сравниваю маму и тетю Марину. Они все-таки очень похожи, но с другой стороны, если не знать, что они родственницы, то можно усомниться в близости. Ведь для других они кардинально отличаются друг от друга. Я же вижу серые глаза, одинаковый разрез, тонкие губы, острые носы. Они обе привлекательны, но в то же время красота у них холодная. Тетя не стремится быть в центре внимания, поэтому редко использует косметику или делает сложную прическу. Обычно она стягивает темные локоны в тугий конский хвост, на губы наносит блеск, а глаза подводит карандашом. Мама же никогда не появляется на публике без косметики. Ее лицо – ее реклама. Тем более, сейчас. Быть успешной актрисой мало, нужно сохранять эту успешность, а когда возраст начинает давать о себе знать, то вовремя делать процедуры, которые помогут стать еще краше. Поэтому когда я смотрю на маму, то с трудом узнаю в этой

женщину ту, кого хорошо помню по ранним снимкам. Там она еще девчонка – бойкая, яркая, страстная. Сейчас передо мной сидит великолепная женщина, волосы которой собраны в простую, но в то же время сложную прическу, украшенную миниатюрной диадемой. На ней, как и обратила внимание тетя, белоснежное дизайнерское платье, которое только подчеркивает ее ледяную красоту. Кажется, словно она сошла с картинки модного журнала, и мне бы гордиться ею, но не могу.

Просто не могу, пусть и хочу пытаться.

– Элла, лучше поешь, – голос тети звучит странным образом: мягко и даже чуточку нежно.

Сглатываю, понимая, что навряд ли протолкну в себя хоть кусочек, но покорно киваю. Сегодня не тот день, чтоб спорить с тетей. И уж тем более я не могу привлекать к себе ненужное внимание прочих гостей. Просто переждать, а потом можно выплакать все глаза в подушку.

– Хорошо, я поем, – тихо отвечаю и дотрагиваюсь до вилки, намереваясь усердно изобразить покорность, как неожиданно на меня падает тень. Вздрагиваю, но бояться нечего. Всего лишь официант, который меняет бокалы. Передо мной тоже опускается бокал с шампанским, но я хочу отказаться. Пусть заберут, однако тетя хитро щурится и не позволяет мне этого сделать. Стоит официанту отойти, как она, подавшись немного вперед, шепчет:

– Тебе уже есть восемнадцать. Пора бы попробовать.

– Я не буду пить, – также тихо отвечаю и усиленно ковыряю первое блюдо.

Тетя смеется и отворачивается, перебрасывается с кем-то за соседним стойком не самыми приличными шутками, которые меня несколько не смущают, и я могу выдохнуть. Меньше внимания, уделенного мне, лучше для моей нервной системы пережить сегодняшний день. Поэтому когда во второй раз за моей спиной возникает чужая фигура, бросающая на стол тень, я уже не вздрагиваю. Думаю, это вновь пришел официант, чтобы подлить напиток в пустой бокал тети, но когда на мои плечи опускаются руки, я начинаю паниковать.

Резко дергаюсь, оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с зелеными глазами нового мужа мамы.

Станислав Валерьевич смотрит на меня, мягко улыбаясь.

– Прости, не хотел тебя напугать.

Я шумно выдыхаю и медленно киваю. Он убирает руки, но не отходит. Мне сложно дышать. Вот чьего внимания я не хотела привлекать, так его. Зачем он пришел? Что ему нужно от меня? Мы же уже перебросились парой ничего не значащих фраз в начале вечера. Я поздравила их, тетя тоже что-то пошутила, и мы удалились, потому что таков был уговор. Уговор между двумя сестрами. Не попадаться на глаза хозяйке банкета.

Всего лишь красивая картинка. И столь нужная в столь значимый день.

Декорации безупречной жизни Ольги Владимировой.

– Как вы тут?

Нервно сглатываю комок и быстро нахожусь с ответом. На некоторые вопросы я знаю, что говорить. С остальными мне должна помочь тетя. Таков был наш с ней уговор.

– Хорошо. Спасибо, у нас все отлично.

Натягиваю улыбку, но она, скорее всего, выглядит вымученно. Отчего-то мне кажется, что обмануть Самойлова будет сложно. Впрочем, взгляд, который он сначала бросает на меня, потом на тетю, которая наконец-то замечает его появление, а после вновь на меня, не позволяет усомниться – он не верит моим словам.

Горло вновь забивает комок, и мне приходится приложить усилие, чтобы улыбнуться. Хотя кого я пытаюсь обмануть?

– Спасибо за приглашение на банкет, – дело в свои руки берет тетя. Она-то умеет лгать. – Чудесный вечер. А закуски, м-м-м, пальчики оближешь!

Меня перекашивает от ее слов, потому что голос, которым она всю эту муть произносит, полон лести и лжи. Что же, мы отличная парочка. Впрочем, вся наша семья держится на лжи.

Станислав Валерьевич кивает, будто верит ей. И вновь смотрит на меня, отчего собственные коленки подкашиваются, и если бы я не сидела, то, скорее всего, плюхнулась на задницу. Какой-то странный эффект производят его глаза на меня – будто гипнотизируют. Наверное, именно поэтому он понравился матери. А еще потому, что у него очень много денег.

– Элла, я хотел бы пригласить тебя на танец, – вдруг выдает Самойлов, и мои коленки начинают трястись. Вмиг потеют ладони, и я судорожно хватаюсь под столом за салфетку, лишь бы подавить ужас, охвативший меня.

Танцы. Я не ненавижу танцы.

Глава 2

Если бы только знала, как обернется это вечер, то намерено устроила бы забастовку, наевшись слабительного. Хотя бы так я смогла бы пропустить этот вечер. Но увы, дело уже сделано, и Станислав Валерьевич ждет от меня ответа.

Смотрю на тетю. Та, кажется, тоже шокирована, но ничего не отвечает. Я уже достаточно взрослая девочка, чтобы отказать мужчине. Ну, то есть я хочу отказать, потому что страх парализует конечности, а тетя просто молчит. Мне даже кажется, что она выжидает моей реакции, чтобы после позабавиться. Порой любой мой конфуз доставляет ей невероятное удовольствие.

– Я плохо танцую, – стараюсь мило улыбаться и пожимаю плечами.

Станислав Валерьевич криво изгибает губы.

– А я слышал, что ты три года училась бальным танцам.

Шах и мат. Я на лопатках.

Пытаюсь взять себя в руки. Тут-то, наконец, вмешивается тетя.

– Поэтому всего-то три года отучилась, – усмехается она. – Две ноги, и обе левые, ведь так, Элла?

Быстро киваю и выдавливаю из себя смешок. Надеюсь, что вопрос исчерпан, но тетя вбивает гвоздь в мой гроб.

– Но все же на танцах тебя научили основам, пусть бальником ты так и не стала. Так что держай, племянница.

Улыбка сползает с моих губ. Гневно смотрю на тетю и вижу, как в ее глазах вспыхивает дьявольский огонек. Ничем хорошим это противостояние для меня не кончится. Киваю и медленно поднимаюсь, судорожно растирая ладони о подол платья. Самойлов кивком прощается с тетей и направляется к танцполу, где уже кружатся пары. В том числе и моя мать, но она так увлечена новым кавалером, скорее всего, кто-то из ее друзей, что не замечает собственного мужа и дочь, которые занимают место поодаль от остальных.

Надеюсь, это место выбрано не зря, потому что мы почти скрыты от большей части гостей, и мой очередной конфуз заметят немногие. Но я все равно позволяю Станиславу Валерьевичу положить мне руки на бока, а сама кладу ладони на его грудь. Почти не касаюсь его, только приятная на ощупь ткань греет мои заледенелые ладони.

– Вполне неплохо, – улыбается Самойлов, и только теперь я замечаю, что мы двигаемся в ритме неспешного танца. Мои ноги работают сами по себе, наверное, опыт, приобретенный за годы практики, что нельзя сказать о моем сердце, ухающем в груди каждый раз, когда его ладонь соскальзывает или мои собственные руки прижимаются к его груди.

– Спасибо, – выдыхаю, стараясь смотреть себе под ноги. Теперь боюсь, что наступлю на его дорогие туфли и испорчу их. Вмиг начинаю чувствовать себя неуклюжей девчонкой.

– Элла?

– Да? – вздрагиваю, когда вновь слышу свое имя.

Осторожно приподнимаю голову, чтобы опять пропасть в его зеленых глазах. Магия, не иначе. Потому что я совершенно не понимаю, что со мной творится.

– Ты в порядке? Я заметил, что ты почти ничего не ешь и молчишь весь вечер. Мне показалось, что тебе не нравится здесь находиться.

Слова пугают. Пугает то, что он видит меня насквозь, и то, что подмечает даже незначительные детали, а это означает лишь то, что мне совершенно неподвластно искусство лжи.

Ужас давит на горло. Приходится взять себя в руки, чтобы ответить.

– Если честно, то я просто ни разу не бывала на подобных мероприятиях и не знаю, как себя правильно вести, – произношу тихо, молясь, чтобы никто не подсушивал наш разговор. Особенно чтобы мои слова не были услышаны тетей или матерью.

Самойлов мягко улыбается. Наверное, его полностью устраивает такой ответ, но то, что произносит следом, несколько обескураживает меня:

– Я не хочу, чтобы дочь моей жены чувствовала себя загнанной в ловушку.

– Но я не...

– Элла, это и твой праздник. Просто наслаждайся и не думай, что что-то делаешь не так.

Я нервно сглатываю и быстро киваю, желая оттолкнуть Самойлова и вернуться к тете. Нет, лучше вообще уйти, лишь бы не оставаться рядом с ним. Сердце бешено колотится, и я замедляю ход, плавно опуская руки. В этот миг музыка затихает, а значит, и наш танец должен закончиться, вот только он не убирает руки с моей талии, что заставляет меня беспокоиться. Нас же увидят!

– Я... пойду, – шепчу, осторожно отталкивая от себя Самойлова, и разворачиваюсь, но с ужасом застываю на месте, потому что к нам приближается мама.

Я не готова. Только не сейчас. Но она уверенным шагом приближается к нам, плавно покачивая бедрами. словно каждый миг ее жизни напоказ.

Неудивительно. Ведь оно всегда так и было. Сколько я видела фильмов и сериалов с ее участием? Не перечесать. Сколько вырезок из газет и журналов у меня было, спрятанных в специальной папке? Много. Очень много. Но я сожгла все вырезки, когда мне стукнуло четырнадцать. Мой маленький бунт против родительницы. Тогда вышла романтическая комедия, где у мамы была одна из главных ролей. Она играла молодую мамочку двух близняшек, которые решили найти для нее нового мужа. В общем, ту комедию, похожую на какую-то кальку с иностранного фильма, я так и не досмотрела. Потому что не смогла сделать это из-за слез, наполнивших мои глаза. Я рыдала, представляя, что это меня так мама обнимает, мне она заплетает косы или рассказывает про любовь. Для меня она готовит завтрак и помогает собраться на первое свидание. Они все смеялись, улыбались и выглядели счастливыми, а мне казалось, что смеются надо мной, а не над какой-то дешевой шуткой из второсортного фильма. Я сожгла все вырезки и пообещала себе, что больше не буду смотреть ее фильмы. Слишком больно осознавать, что она может быть с кем-то любезной или милой, может для кого-то улыбаться или держать за руку. Для нее я всегда была обузой. Ошибка прошлого.

И вот она вновь играет роль. Только теперь это роль заботливой и ласковой жены. Для меня нет места в ее тщательно продуманном мире.

– Вот ты где, – лукаво подмигивает она, скользнув взглядом по мужу. А потом словно замечает меня, хотя я уверена, что она видела нас. – Подаришь следующий танец жене?

Мне бы уйти, чтобы только не видеть ее. Но отступать некуда. Впереди – моя боль, позади – ничего не знающий Станислав Валерьевич. А вокруг столько глаз и ушей, что хочется сжаться и исчезнуть, как мыльный пузырь.

Самойлов приближается к нам и протягивает руку женщине, которая нарочно игнорирует мое присутствие. Я оплошала, нарушив их с тетей уговор.

«Не высовываться, не попадаться под ноги».

Я должна была раствориться в толпе, но в итоге толпа видит нас.

Мама вкладывает руку в ладонь мужа. На ее пальце сияет бриллиантовое кольцо. Звучит романтическая мелодия. Самое то, чтобы кружиться в танце с любимым человеком. Я вижу, как они обходят меня, чтобы вернуться на танцпол, где вскоре становятся центром внимания.

Они слишком красивая пара, чтобы не завидовать.

Но зависти нет. Лишь боль, давящая на грудь. Я начинаю задыхаться. Мне нужно на воздух. Мне нужна холодная вода, чтобы смыть с пылающих щек огонь ревности. Она выбрала не меня. Она выбрала кого-то другого! Опять!

Срываюсь с места и бегу прочь на ватных ногах, минуя столик, за которым сидит тетя. Она с жалостью смотрит на меня, но не пытается преградить путь.

Я выбегаю из банкетного зала в загородном комплексе, который Самойлов арендовал на этот день. Здесь полно гостей, отовсюду слышатся голоса, смех и пахнет весельем. Я чувствую себя самозванкой, пробираясь через толпы незнакомых мне людей, пока наконец не нахожу небольшой закуток. Прижимаюсь спиной к стене, оглядываясь по сторонам. Никто меня не видит. Никто меня здесь не найдет.

Дышу. Стараюсь, по крайней мере, протолкнуть в легкие как можно больше прохладного вечернего воздуха. Мысли начинают успокаиваться, как и бешено колотящее сердце замедляет бег.

Закрываю глаза, прижимаю к лицу потные ладони. Когда же это все закончится? Когда же меня перестанет трясти при ее виде? Когда я смогу жить, а не существовать, все время анализируя свои действия?

– Элла, хватит, – голос тети врывается в мое подсознание именно в тот момент, когда я готова сползти по стенке и усесться в траву.

Я опускаю руки и смотрю на тетю. Она держит в руках салфетку, которую протягивает мне.

– Вытри сопли, дорогуша. Нам нужно вернуться.

– Я не хочу, – вяло отвечаю, но салфетку принимаю. Сморкаюсь со всей силы, тетя аж морщится, стоит ей услышать звук, который способны издать мои ноздри.

– Мы вернемся и пробудем там еще полтора часа. Так что перестань ныть. Возьми себя наконец-то в руки и делай то, что нужно.

Она неумолима. Бесполезно спорить с тем, кто уже все решил. Кто вообще все решает за тебя второй десяток лет.

Я выдыхаю, комкаю салфетку, которую чуть позже выбрасываю в мусорную корзину. Иду за тетей, возвращаясь в банкетный зал. Новобрачные уже за столом с кем-то общаются. Нас не замечают. Мы тени в жизни моей мамы.

Навязчивые тени, от которых она никак не может избавиться.

Я сажусь за стол, беру в руки бокал с минералкой и заставляю свои губы изгибаться в полуулыбке. Именно то, что хотят видеть. Тетя тем временем присоединяется к беседе за соседним столиком, кто-то что-то спрашивает у меня. Я отвечаю заученными фразами. Мы играем роли, на которые способны.

Наши жизни построены на лжи.

Глава 3

Вытаскиваю из волос шпильки, и локоны бесформенной массой падают на плечи. На завивку я потратила все утро, сейчас же даже не желаю смотреть на то, что творится на моей голове. Больше всего меня волнует иное – что происходит в моей голове. Потому что никак не могу успокоиться.

Это провал. Фиаско. Я не просто оконфузилась на глазах родственниц, а села в лужу пятой точкой. Тетя усмехается до сих пор, зато я злюсь на нее так, что сил больше терпеть нет. Хватит.

Хватит с меня!

Дергаю платье и слышу, как трещат швы. Еще несколько часов назад я бы расстроилась, если бы испортила платье, которое мне прислала мама. Но теперь-то понимаю, что это лишь красивая оболочка для ее некрасивой дочки. Декор. А ведь мечтала надеть это же платье на выпускной в школе, который состоится через пять дней.

К черту! Никуда не пойду, и никто меня не заставит высунуть нос из дома. Хватит с меня! Я так больше не могу...

Оседаю на пол, прижимаясь спиной к стене, и рыдаю, растирая тушь под глазами.

Слышу тихий стук в дверь, которая через мгновение открывается. Тетя лишь предупреждает, что войдет, но не спрашивает разрешения. Это ее дом. Не мой. Пора бы уже запомнить.

– Ты чего раскисла, глупышка? – произносит она, опускаясь передо мной на корточки.

Я хаотично растираю слезы по лицу, намереваясь встать и уйти прочь. Если она хочет быть здесь, чтобы досаждать дальше, то я лучше уйду сама.

– Эй, притормози, – тетя хватается за руку, когда я резко поднимаюсь. Встает рядом, но руку не отпускает. Я дергаю кисть, но тетя еще крепче сжимает ладонь, и мой маленький бунт вмиг затихает. – Ты чего ревешь?

Упрямо молчу, потому что четко осознаю – она все понимает, но хочет, чтобы я сама признала свое очередное поражение. Поджимаю губу, чтобы не ответить колкостью. Тетя качает головой и наконец-то выпускает мою ладонь, однако уходить никуда не собирается. Лишь кивает на кровать, предлагая мне присесть. Сама же садится, вытягивая вперед ноги.

– Угомонись уже, Элла. Ты же знала, что так и будет.

– И ты знала тоже, – шепчу, но с места не двигаюсь. На мне все еще болтается платье, которое я так и не сняла.

Тетя качает головой и прикрывает глаза так, словно у нее болит голова. Если бы она знала, какой дикой болью пульсирует мой собственный мозг, то не морщилась бы так. Потому что я хочу кричать от боли, пронзающей каждую клеточку моего тела.

Осторожно касаюсь запястья, разминая его. Тетя слишком сильно сжимала мою руку.

– Я не хотела идти.

– А у нас есть варианты?

Пожимаю плечами.

– Можно было что-нибудь придумать.

Тетя усмехается.

– Притвориться заболевшими? Ты это умеешь.

– Не нужно мне напоминать каждый раз, – огрызаюсь я и затыкаюсь, потому что ловлю на себе тяжелый взгляд родственницы. Она ненавидит, когда я позволяю себе повышать на нее голос.

Тетя медленно поднимается, одергивая рубашку.

– Слушай, мне плевать, что ты там хочешь или нет. Если нужно, то ты это делаешь, – она переводит взгляд на рассыпанные под ногами шпильки. – Хочешь быть сопливой девчонкой, которая рыдает по поводу и без, то продолжай, мне все равно. Но если хочешь быть сильной, то засунь уже свои обиды куда подальше и перестань реветь. Я тебя не так воспитывала.

Каждое слово бьет сильнее, чем пощечина. Стою по стойке смирно и выслушиваю ее, боясь пошевелиться.

Сильной... Она хочет, чтобы я была сильной, но в то же время не упускает момента причинить мне боль. Неужели думает, что все издевки, подколы, смешки делают меня сильной? Тетя ошибается, но я упрямо продолжаю молчать, потому что понимаю, что наш очередной спор ни к чему хорошему не приведет. Осталось лишь немного потерпеть. Скоро выпускной, а там поступление в институт. Я уже выбрала парочку мест в другом городе. Мне нужно уехать отсюда как можно дальше. Но тетя об этом пока не знает.

– Вытри сопли и приберись тут, – произносит она и выходит из комнаты, с громким хлопком закрывая дверь.

Она в бешенстве. Злюсь и я.

Ничего не меняется. Мы отравляем жизнь друг другу вот уже двенадцать лет. С тех самых пор, как моя бабушка умерла, и вся забота обо мне упала на плечи тети. Маме на меня было плевать. Она только оплачивала счета.

Я всего лишь один из пунктов в ее жизни, не более.

Опускаюсь на колени и начинаю собирать шпильки, как дверь неожиданно вновь открывается. Чего ждать от появления тети не знаю, но с опаской смотрю на нее.

– И еще, – говорит она, явно удовлетворенная тем, что я сразу же принялась наводить порядок, как она и велела, – завтра нас пригласили на ужин. Твоя мама и новый папа. – Ухмыляется она и выходит из комнаты вновь, оставляя меня пригвожденной к полу надменным взглядом и ужасными новостями.

Нет. Я не готова.

Не смогу.

Тетя права. Я могу рыдать, когда мне хочется, но ничем полезным это не заканчивается. Пора брать себя в руки. Впрочем, пореветь я все равно успеваю. После забираюсь в наполненную до краев ванну и дую на облако пены, стараясь отогнать дурные мысли. Что ни произошло бы завтра, я буду к этому готова. Да и что может плохого случиться? Мы просто поужинаем, тем более там будет тетя, которая, несмотря на наши разногласия, всегда встает на мою сторону. Ну, то есть почти всегда. Главное – мне не высовываться и тщательно следить за тем, что я говорю. После ужина мы вернемся домой, и я буду готовиться к выпускному. Как только получу все документы, сразу поставлю тетю перед фактом – я здесь не останусь. Мне пора двигаться дальше, а мое общество явно действует на родственницу угнетающе.

Киваю, соглашаясь с собственными мыслями и, откинувшись назад, смотрю в желтый потолок. Вода горячая, приятно щиплет кожу. Крошечную комнату наполняет сладкий аромат сирени. Я расслабляюсь, а когда в голове утихают беспорядочные мысли, могу думать и анализировать, отбросив эмоции. Этим и занимаюсь, достав с полки телефон.

Нужно быть готовой к ужину. Не отвечать на свадьбе почти вышло, исключением стал танец, который едва не лишил меня рассудка. А вот на ужине гостей явно будет меньше, о чем мне стоит помнить и о чем стоит беспокоиться заранее. Как бы я ни пыталась изучить нового мужа мамы, но в моих познаниях все еще есть пробелы. Например, все, что касается его личной жизни. Пусть Самойлов аккуратен, но есть же всякие сомнительные источники информации, вот туда-то я и сую свой любознательный нос. Кстати, там же я находила информацию о маме. Кое-какие грязные секреты, пусть и не подтвержденные, есть и у нее.

Первая же новость касается свадьбы.

Так и думала, что о подобном событии будут трубить все кому не лень. Даже немного завидно, ведь и я там была, но ни на одном снимке, которые мне встречаются, моего унылого лица не видать. Впрочем, все внимание на фотографиях сосредоточено на новобрачных и на именитых гостях. Попадаетея несколько исключительно красивых снимков, от которых сложно оторвать взгляд. Если бы я не знала эту женщину, то решила бы, что она модель. В который раз поражаюсь красоте своей матери и жалею, что мне досталось так мало от нее. Скорее, больше от биологического отца, но его я не знаю, поэтому сложно делать выводы. Он никогда не принимал участия в моем воспитании. Да и сомневаюсь, что вообще знает о моем существовании. Темная история, покрытая таким мраком, что без посторонней помощи не разобраться. Но все мои попытки докопаться до истины всегда прерываются категорическим отказом тети.

Криво улыбаюсь, увеличивая снимок Станислава Валерьевича, подмечая, что его глаза даже на фотографиях производят гипнотический эффект. Всматриваюсь в его лицо, неожиданно ловя себя на мысли, что я слишком усердно изучаю мужчину. Будто бы люблюсь.

Трясу головой, отгоняя мысли. Я не люблюсь. Просто он красавчик. С этим не поспоришь.

Быстро пролистываю галерею, не вчитываясь в подписи, которые подготовили журналисты, освещая мероприятие. Имена, имена, имена. Плевать.

Плевать до тех пор, пока не вижу постороннее лицо. Его не должно быть здесь. Потому что я не знаю, кто этот парень, но стоит мне увеличить фото, как все становится на свои места. Лукавый взгляд зеленых гипнотических глаз, хитрая улыбка. Он – копия своего отца.

Арсений Самойлов. Девятнадцать лет.

– Ничего себе, – шепчу под нос, не веря собственным глазам.

У Станислава Валерьевича есть сын, и, судя по тому, что я нахожу после, Арсений – единственный ребенок. С его матерью Самойлов не состоял в браке, но прожили они вместе довольно долго. Теперь сын то живет с отцом, то в собственной квартире, или навещает мать, которая три года назад переехала за границу. Куда-то в Италию, и я нахожу несколько снимков Арсения с лазурного берега. Наверное, там и живет его мать. Найти его профили в соцсетях несложно, если знать, кого именно искать. Он даже не скрывается – все на виду. Путешествия, новые машины, кутеж в каком-то баре. Парень живет на полную катушку, и я немного завидую. Завидую тому, что кто-то умеет расслабляться, а все мои попытки отпустить ситуацию заканчиваются нарастающим давлением извне. Не одно, так другое загоняет в тоску.

Смотрю на свежий снимок парня, который тот загрузил буквально час назад из какого-то клуба, и морщусь. Его не было на свадьбе. Не одного упоминания, что сегодня его отец женился на известной киноактрисе. Будто того и не существует. Хотя в этом мы похожи. Вот только меня не существует в жизни матери, а Арсений сам выкидывает из своей жизни отца.

Пожалуй, мне стоит помнить о существовании Арсения. Кто знает, вдруг мы пересечемся когда-нибудь. Но пока все, что я хочу, так выбраться из остывающей воды и лечь спать.

Сегодня был тяжелый день. Завтра будет только хуже.

Глава 4

– Не сутулься, – шипит в ухо тетя и проводит ладонью между лопаток, будто пытается выпрямить и так прямую спину. Но я все равно свожу лопатки, задираю подбородок, показывая всем своим видом, что слушаюсь тетю. Та удовлетворенно кивает и шагает вперед, я же следую за ней, стараясь не прожигать взглядом в затылке родственницы дыру.

С прошлого дня у нас как-то все разладилось. Она в очередной раз ткнула меня в собственные слабости. Я в очередной раз подавилась ее словами, а ответить так и не смогла. Сегодня не тот день, чтобы продолжать наши споры. Поэтому одергиваю серый сарафан и стараюсь не отставать от быстрого шага тети. Такой наряд, который вполне устроит тетю, я выбрала не случайно. Пусть меня видят настоящей, а то платье, что прислала мама для свадьбы, я благополучно отправила в мусорное ведро. Не важно, сколько оно стоило или что было дизайнерским. Я просто не хочу иметь ничего общего с женщиной, которая даже не замечала моего присутствия.

На мгновение тетя останавливается перед высокими дверьми роскошного ресторана. Я тоже задираю голову, чтобы рассмотреть фасад здания, подмечая каждую деталь. Место отличное, тихое и красивое. У Самойлова явно есть вкус. Думать, что этот ресторан выбирала мама, не хочу, потому что придется хвалить ее заслуги. Я пока еще слишком сильно злюсь на нее.

Впрочем, я всегда злюсь на нее.

– Идем, – говорит тетя и первой входит в здание. Я торопливо следую за ней, нервно поправляя платье. Оно скромное и недорогое. Самое то, чтобы показать настоящую разницу между мной и матерью. Пусть Самойлов увидит, что его жена не очень-то часто вспоминает о дочери.

С прошлой ночи все больше ловлю себя на мысли, что не желаю, чтобы она была счастлива. Даже если их чувства взаимны и Станислав Валерьевич без ума от этой женщины.

Мы входим в ресторан. Нас встречают учтивыми улыбками и провожают к столику. Странно. Мне казалось, гостей будет намного больше, с учетом того, что вчера на свадьбе было не меньше сотни человек. Сейчас же я вижу лишь маму и ее нового мужа. Всё.

Меня охватывает паника. Я так надеялась спрятаться за чью-нибудь спину, лишь бы не видеть их лиц, но теперь получается, что окажусь перед ними как на ладони. Коленки начинают дрожать, когда мы приближаемся к столу.

Нас приветствует Станислав Валерьевич. Он поднимается из-за стола, протягивает раскрытую ладонь тете. Та, конечно же, уже вошла в роль приветливой родственницы. Лучится счастьем, мило улыбается и жмет его руку.

– Спасибо за приглашение.

От ее елейного голоса меня подташнивает. Но все свое недовольство я могу лишь засунуть куда подальше и скопировать то же самое милое выражение на собственном лице.

– Здравствуйте, – шепчу, поглядывая на вышедшего вперед Самойлова. Он и мне протягивает руку, но вместо пожатия кладет ладонь на плечо и подталкивает к столу. Возможно, у меня на лице все написано. Я хочу уйти, да как можно скорее. Он уже раскусил меня и видит, с каким нежеланием я сейчас нахожусь возле них.

– Я так рад, что вы приехали.

Тем временем мама привстает, чтобы приобнять сестру. Все их движения нарочито выверенные. Видимые касания, натянутые улыбки, отрепетированные фразы. Все настолько пропитано ложью, что я невольно морщусь. Благо никто не видит.

Опускаюсь на отведенное мне место, кладу салфетку на колени и надеюсь, что за весь вечер они будут так увлечены «разговорами», что не посмотрят в мою сторону. Самойлов

садится по правую руку от меня, через одно пустующее место. Тетя сидит напротив и может контролировать все, что я буду делать или говорить, но пока ее внимание сосредоточено исключительно на сестре и на ее муже. Она начинает нахваливать ресторан, прошлый банкет, и в таком режиме проходят следующие минут пятнадцать. Перед нами ставят тарелки с изысканными блюдами, старшие разговаривают о прошедшем празднике, тетя растекается в комплиментах и едва ли не боготворит Самойлова, который, впрочем, держится очень даже хорошо, а мама... На маму я не смотрю. Не знаю, как объяснить. Мне сложно думать о ней. Сложно находиться рядом. Даже ее голос доставляет мне неудобства.

Все слишком сложно.

Я же старательно поедаю первое блюдо, надеясь, что хотя бы так не привлеку внимание взрослых, но не тут-то было. Ко мне обращается Станислав Валерьевич.

– Элла, – произносит мое имя так, что кожу покрывают мурашки, – я слышал, ты в этом году будешь поступать. Уже выбрала учебное заведение?

Отрываюсь от созерцания тарелки и кошусь в его сторону.

Он смотрит на меня, ожидая ответа. Тетя затихает и тоже смотрит в нашу сторону.

– Да, конечно, – быстро киваю, отводя взгляд. – Рассматриваю несколько вариантов...

– Мы уже присмотрели парочку вузов. Будем подавать документы, – в разговор вклинивается тетя, делая акцент на «общих» заслугах. – У Эллы очень высокие баллы, так что думаю, бюджетное место нам обеспечено.

– О, это же отлично, – хвалит Самойлов, смотря теперь на тетю. Он правильно понимает правила игры. Она – ведущий игрок, я же... блин, я размазня, которая даже не может ответить. – И куда будет поступать Элла? У меня сын учится в академии, правда, на коммерции, но я могу помочь, – он делает недвусмысленный намек, что готов взяться за мое будущее.

Я вспыхиваю и смотрю на тетю. Она терпеть не может, когда кто-то пытается отобрать у нее власть. Даже такую власть, как надо мной. Но тетя в этот раз помалкивает. Закуситься с человеком, у которого есть куча денег и реальная власть, ей не по зубам.

– Было бы неплохо, – отзывается она, улыбаясь. – Сейчас так сложно поступить на бюджетное место, даже если высокие баллы. Сами же понимаете.

Самойлов кивает, переводя взгляд на меня. Какую, черт побери, он затеял игру? Это ради мамы? Он хочет показать ей свою власть или просто добряк, которому плевать как, но надо делать хорошие дела для семьи? Потому что я на сто и один процент уверена, что мама не просила его о помощи. Ей вообще все равно, как и где я буду учиться, лишь бы не пришлось за это отваливать приличную сумму. Она так и сказала тете примерно два года назад, когда встал вопрос об учебе – идти ли в десятый класс или же колледж – мой предел.

Он даже хочет что-то сказать мне, но миг его лицо меняется, и взгляд устремляется куда-то далеко позади за моей спиной. Я сижу так, что не вижу вход, зато через несколько секунд узнаю, кто именно привлек внимание Самойлова.

– Ты опаздываешь, – в его голосе звучит легкий налет раздражения, но улыбка говорит об обратном.

Нет. Я ошибаюсь. Он не добряк. Он просто хорошо умеет играть отведенную ему роль.

Рядом со столом останавливается кто-то, и я, наконец, могу рассмотреть пришедшего. И едва не вспыхиваю, поняв, что рядом со мной стоит Арсений Самойлов. Тот самый парень, личную жизнь которого я изучала накануне до позднего вечера. Не думала, что наша встреча состоится так скоро.

Он обводит внимательным взглядом собравшихся за столом. Первой реагирует мама. Она привстает, чтобы поприветствовать парня.

– Здравствуй, Арсений. Я так рада, что ты приехал.

Он фыркает, явно давая понять, что ему плевать на ее «радость». Я вздрагиваю, когда слышу приглушенный звук, но в тот же миг внутри что-то резонирует. Мне нравится его реак-

ция. Мне нравится реакция мамы – она явно промахнулась и теперь не знает, как себя вести. На ее губах появляется вымученная улыбка, и она садится обратно за стол. Темные брови тети игриво изгибаются. Она слишком проницательна, чтобы упустить этот момент из виду. Уверена, вечером я наслушаюсь теорий о сложных взаимоотношениях в этой новой семье.

– Ладно, садись, – ситуацию в свои руки берет Самойлов и указывает сыну на свободный стул. На тот самый, что стоит между мной и Станиславом Валерьевичем.

Арсений, наконец, поворачивает голову и замечает меня. Что же, кажется, я вполне справляюсь с ролью невидимки, потому что замечаю, как на его лице неожиданно отражается удивление.

Не знаю, как реагировать, поэтому улыбаюсь уголками губ. Достаточно для того, кто со мной незнаком. Самойлов-старший быстро исправляет ситуацию.

– Познакомьтесь – мой сын. Арсений, – это он обращается к тете. Потом смотрит на сына и представляет нас: – Марина, старшая сестра Ольги, – он указывает на тетю. – А это у нас Элла. Я тебе рассказывал про нее.

Вмиг к моему лицу приливает краска. Рассказывал? Не верю собственным ушам, но по тому, как скользит по моей коже взгляд Арсения, догадываюсь, что Самойлов не лжет. Он действительно заочно познакомил своего сына с дочерью новой жены. Вот бы еще меня предупредили.

– Привет, – шепчу дрогнувшими от гнева губами.

Арсений игнорирует меня, демонстративно оборачиваясь к отцу. Теперь я люблю его затылком и могу убедиться, что фотографии из соцсетей не лгут. Он хорош со всех ракурсов. Широкие плечи, крепкая спина, которую обтягивает синяя футболка, хотя выбор для семейного ужина в ресторане сомнителен. Возможно, это такой бунт. Выражать себя через одежду. Я ведь поступаю точно так же, уничтожая подаренное платье и выбирая блёклый наряд монашки.

– Вчера мы не видели тебя на свадьбе, – произносит тетя, уставившись на парня. Он определенно ей нравится. Она вообще любит, когда кто-то досаждаёт моей матери.

– Потому что я не приходил, – пожимает плечами Арсений, подзывая официанта. Он-то опоздал и все, что есть на столе для него, так пустой бокал.

Тетя изумленно изгибает бровь. Ей интересно знать причину, хотя я догадываюсь, что она и так все понимает. Арсений против брака отца и моей матери. Разве что слепец этого не увидит.

– Не люблю свадьбы, – продолжает говорить парень, когда на него недвусмысленно смотрит отец. Явно Самойлов-старший не рад, каким тоном отвечает Арсений.

– У нас был уговор, – продолжает отвечать за сына Станислав Валерьевич, тем самым давая понять, что не стоит продолжать тему. – Но на ужин ты все-таки приехал.

– У нас был уговор, – пародирует его Арсений, увлеченно делая заказ. Когда в его бокал наливают вина, он хитро ухмыляется и неожиданно смотрит на меня. – Наверное, я пропустил пару тостов?

Качаю головой так, будто он спрашивает меня. Вот еще не хватало, чтобы Арсений обращал на меня внимание. Быть тенью – мой план на этот ужин, но если он начнет обращаться ко мне по поводу и без, лишь бы позлить старших, мои нервные клетки достигнут предела накаливания.

– Ну, раз нет, – тем временем продолжает говорить Арсений, уже оборачиваясь к моей матери, – тогда я буду первым. За самую прекрасную невесту на свете. Я счастлив, что вы, Ольга, теперь позаботитесь о моем старике.

Тетя едва не давится от смеха, мама, выпучив глаза, смотрит на обретенного родственника, а Самойлов для меня, как закрытая книга – его лицо вообще ничего не выражает, и только сам Арсений чертовски горд собой. Вроде бы ничего плохого не сказал, даже комплиментов отсыпал моей маме, да и отца ласковым «о моем старике» отозвался, но я чувствую, как воздух

накаляется. Арсений еще попортит им кровь, и мне бы порадоваться за такого «родственника», ведь будет кому потрепать нервы моей маме, но я все равно опасаюсь его.

Не знаю, что именно, но чувствую нечто плохое, исходящее от парня. Нечто такое, отчего дышать становится тяжело, особенно когда он сидит буквально в сантиметрах от меня, и я могу почувствовать его запах, ощутить некую вибрацию, которая исходит от парня. Он зол. Он в бешенстве, но держит эмоции под контролем, хлестко ударяя отца и его новую жену. Он умеет играть по взрослым правилам. Мне же только предстоит научиться этому искусству. А ведь у нас разница в возрасте чуть меньше года. Всего-то! А такая колоссальная пропасть.

Наверное, я завидую ему. Арсений может постоять за себя, а все, что могу сделать я, так молча отсиживаться и стараться не привлекать чужого внимания. Хотя кого я обманываю! Арсений уже знает обо мне все. Я уже в поле его зрения. И если судьба сведет нас вновь, то он точно оторвется и на мне.

Какой же сегодня дерьмовый день.

Глава 5

– А он хорош, – блаженно тянет тетя, скидывая туфли с опухших ног.

Я кошусь в ее сторону, едва подавив отвращение. Так и знала, что ее повеселит сегодняшнее представление.

– Кто?

Тетя приподнимает веки и смотрит на меня так, будто я совсем дура. Ну, возможно, так и есть, раз до сих пор позволяю ей считать меня несмышленной малышкой. В какие-то моменты такая «глупость» меня здорово спасает.

– Этот парень. Арсений, кажется.

Она произносит его имя, немного призадумавшись, но я-то понимаю, что она прекрасно помнит не только его имя, но и где парень учится, чем занимается. Ведь за весь вечер тетя изрядно его допытывала своими вопросами. Она слишком любознательна. В свои сорок три пора бы набраться терпения, но тетя живет по своим правилам, и плевать ей на весь белый свет. Но, с другой стороны, благодаря ее вопросам, которые беспардонно сыпались на Арсения, я кое-что усвоила для себя. Если нам и предстоит в будущем пересекаться на каких-нибудь семейных праздниках, я буду лучше знать парня. Точнее то, что он круто притворяется тем, за кого его хочет принимать Самойлов-старший и кем Самойлов-младший не хочет быть.

– А как он ловко осадил твою мамочку, – усмехается тетя, откинув голову назад и вновь зажмурившись. Думаю, из всего, что произошло за ужином, ей понравился именно этот момент.

Я пожимаю плечом, едва подавив желание улыбнуться. Что же, мне тоже понравилось. Впервые за долгое время я увидела, как маска на лице моей матери дала трещину, и ее настоящие чувства наконец-то показали. Жаль, что недолго. Но мне бы и по такому поводу ликовать, однако на душе кошку скребут.

– Я, наверное, спать пойду. Устала очень.

Тетя машет рукой, отпуская меня. И пока она не передумала, выскальзываю из гостиной и тороплюсь поскорее добраться до своей комнаты. Там, прикрыв дверь, выдыхаю.

Два дня. Два чертовых дня отняли у меня столько сил, сколько я не потеряла за последний учебный год. Нет. Находиться рядом с мамой я не могу. Она, словно черная дыра, притягивает меня, но стоит оказаться рядом, как прочь улетучиваются мысли, силы, желания. Я становлюсь пустой и слабой.

Я так больше не могу.

Пожалуй, нужно торопиться и проваливать из этого города, пока очередная семейная встреча не размазала меня, как каток по асфальту.

Стягиваю свой серый безликий сарафан, переодеваюсь в домашние брюки и майку и отправляюсь заниматься приготовлениями ко сну, когда ловлю себя на том, что руки сами тянутся к телефону.

Арсений. Видеть его на фотографии – одно дело, но быть рядом, чувствовать легкий запах парфюма и сигарет – другое. Вновь просматриваю его открытые профили, снимки, которые он постит чуть ли не каждый день, и понимаю, что хочу так же. Хочу вот этот мир с картинками, а не эту серую унылость, в которой проживаю день за днем. Почему кому-то везет, и он волен делать все, что вздумается? Почему я должна выбивать отличные оценки кровью и потом, не спать ночами, лишь бы сдать экзамены на высокие баллы, и все равно не получить одобрения? Что я делаю не так?

С ненавистью отбрасываю телефон на кровать и прикладываю к лицу ладони. Чувствую кожей влагу – я опять плачу.

– Ну, сколько можно?! – рычу сквозь зубы и, подскочив, бегу в ванную комнату. Мою лицо, тру глаза, пока не успокаиваюсь. Хватит. Я устала быть слабой девочкой.

Устала соответствовать чьим-то стандартам. Но легко признать свои ошибки, а вот исправиться...

С дурными мыслями я засыпаю, чтобы вступить в новый день все той же покорной Эллой, которая должна всеми силами стараться быть той, кого хотят видеть. Чтобы однажды вырваться из замкнутого круга, в который меня давным-давно, еще грудничком, посадила собственная мать.

Женщина, которой на меня наплевать.

Следующий день проходит точно так же, как и предыдущий. Я занимаюсь рутинной, хлопоту по дому и готовлю платье для выпускного, до которого осталось совсем чуть-чуть, когда на наш тихий дом обрушивается настоящий ураган. И будь я готова к этому, то не тряслась бы от волнения и страха, подслушивая чужой разговор под дверью.

Десять минут назад приехала мама. Вот так запросто явилась к нам без звонка и приглашения. Она ворвалась, едва не снеся тетю, которая была шокирована ее появлением не меньше, чем я.

– Оля, какими судьбами? – Тетя всегда берет себя в руки быстрее, чем это может показаться.

– Нам нужно поговорить, – без приветствий отвечает мама.

Я застываю в коридоре, став случайной свидетельницей их безмолвной перепалки. Они уже ругаются, хотя только смотрят друг на друга. Я же не верю глазам, наблюдая маму здесь. Как же редко она бывала в этой квартире, доставшейся им по наследству от моей любимой дорогой бабушки. Я прижимаюсь к стене в надежде, что мама не заметит, но она все равно словно чувствует меня, поворачивает голову и кивает. Впервые, что ли... А потом вновь отворачивается и смотрит на тетю.

– Марин, надо поговорить. Срочно.

Тетя усмехается. Она видит то, что не вижу я, и хватается за это. Вонзает острые коготки, давит, углубляя раны, и продолжает победоносно улыбаться.

– Поговорить нужно тебе, а не мне, – пожимает плечами. – А мне нужно выпить чаю.

– Вот и поговорим на кухне, – шипит мама, заметно нервничая. Не помню, когда она так бесилась.

Да я, если честно, вообще не помню, когда она приходила сюда в последний раз. Наверное, мне было лет десять, и тогда я переболела ветрянкой. Нет. Не тогда. Она не приходила. Прислала только пакет с фруктами и какую-то куклу. В десять лет я уже не играла в куклы.

– Ну ладно, идем, – отвечает тетя так, будто делает младшей сестре одолжение. – Поговорим, если уж так надо.

Развернувшись, она направляется туда, где стою я. Быстро кивает мне, словно что-то хочет сказать, но я настолько шокирована внезапным появлением матери у нас дома, что туго соображаю. Она замечает мою озадаченность и кладет руку на плечо.

– Элла, занимайся дальше своими делами, – говорит тетя, и я наконец-то могу обрести почву под ногами. Киваю и проскальзываю в ванную комнату, которая граничит с кухней, куда направляется тетя, а следом вышагивает мама, надменно вздернув острый нос.

Слышу, как кто-то из них закрывает дверь.

Мне бы уйти. Мне бы заняться своими делами, как и сказала тетя, но я не могу сдвинуться с места. Не знаю, в курсе ли мама, что дом старый, стены тонкие, и я все слышу. Помнит ли об этом тетя, которая не отправила меня, например, в свою комнату, а позволила зайти сюда?

Я разрешаю любопытству взять верх и прижимаюсь ухом к стене. Там, где все слышно.

– И что тебя привело в мою скромную обитель? – театрально спрашивает тетя, и я даже представлю, как она взмахивает руками, закатывает глаза и выдыхает.

Она не мечтала о карьере. Она не грезила голубым экраном или подмостками знаменитых театров. Вся ее игра – кривлянья для сестры. Мол, смотри, как я умею. А мы ведь родня, мы ведь так похожи. Это ты так выглядишь на сцене или в кино. Ты и я – одно целое. Примерно так я читаю этот посыл, представляя выражение мамы. Она злится, но не скандалит. Она пришла сюда не просто так, и значит, ей нужен этот разговор, даже если он никому не понравится.

– Будешь чай? – продолжает вопрошать тетя и, судя по звуку, подходит к плите и берет чайник. Звенит посуда. Она достает чашки.

– Нет, не буду.

– Оль, ты же пришла в гости, – хмыкает тетя, – так что угощайся. Это ведь и твой дом.

Я закатываю глаза. Опять начинается. Квартира после смерти бабушки была завещана обеим дочерям. И тетю злит тот факт, что мама так и не отдала сестре долю. А я здесь и вовсе на птичьих правах нахожусь. Мне до сих пор неясны причины, зачем маме нужна здесь доля. У нее собственная квартира в центре города. Огромная, стильная и жуть какая дорогая (мне об этом тетя рассказывала много-много раз). Мы же ютимся в трехкомнатной панельке на окраине. Так далеко, насколько это возможно, чтобы не пересекаться, живя в одном городе. Будто два разных мира.

Впрочем, так было всегда.

– Не начинай, – отвечает мама. – Я пришла сюда поговорить о другом.

Уверена по многозначительной паузе – тетя изумленно изгибает брови, всем видом показывая свою заинтересованность. Поругаться из-за доли не получится, зато на другой теме, столь важной для мамы, тетя оторвется. Я даже предвкушаю, чем все закончится. Мама психанет и сорвется, убежит из родительского дома и еще лет пять здесь не появится. Тетя весь вечер будет пить вино, посмеиваться над своей глупой сестренкой и наставлять меня на путь истинный.

Не будь как она. Ты лучше.

К чему вся эта чепуха? Не понятно. Но я как обычно буду подкакивать тете и тайно лелеять мысли, как сваливаю прочь из этого дома одного сумасшедшего героя какого-то арт-хаусного фильма.

– Так что случилось? Мы же вроде сделали все, о чем ты нас так заботливо просила. Никаких скандалов, интриг, расследований, – перечисляет тетя, бряцая посудой. Так она добавляет остроты в разговор.

– Дело в другом, – громко выдыхает мама и, судя по скрипу ножек стула по кафельному полу, садится за стол. – Вчера вечером после ужина Стас сказал, что хочет, чтобы Элла переехала в наш дом.

Слышу свое имя и вмиг теряю выдержку. Сердце ударяется в горло, перехватывает дыхание. Ноги становятся ватными, а ладонки за секунду промокают от пота. Переехать? К ним?

Не верю своим ушам! Бред... Это какой-то бред!

– Зачем? – кажется, тетя тоже удивляется. – У Эллы есть дом.

Наверное, мама морщится. Наверное, тетя усмехается.

– Он предлагает Элле пожить у нас всего лишь лето. Пока она не поступит в институт. Или куда она там поступать будет.

Теперь я закатываю глаза, прижимаясь щекой к прохладной стене. Она даже не слышала или не хотела слушать. Ужасно!

– Она может и здесь жить дальше. У нас не было уговора, чтобы выгонять ее из дома, когда ей исполнится восемнадцать. Так что не переживай за дочку.

Я нервно дергаюсь. От их «уговоров» меня изрядно подташнивает. Но то, каким тоном это объявляет тетя, вгоняет меня в тоску. И я еще больше убеждаюсь, что поступаю правильно,

собираясь уехать как можно дальше из этой дыры. Переезд к маме – кошмар наяву. Остаться здесь еще на пару месяцев – терпимо, но уже не хочется.

Как же сложно!

– Я не переживаю, – фыркает мама. – Просто поговори с ней. Объясни, что это пойдет нам на пользу. Пусть соберет вещи. После выпускного мы ее заберем.

Ахаю и тут же прижимаю ладонь ко рту в надежде, что меня не услышат.

Она уже все решила. Нет, не она. Так захотел Самойлов, решив, видимо, поиграть в заботливого папочку, раз с сыном не складывается, а мама подыгрывает ему, притворяясь идеальной женушкой. Крепко зажимаю рот ладонью, потому что чувствую, как тошнота, уже реальная, подступает к горлу.

– В общем, она должна переехать к нам на лето. Потом мы снимем для нее жилье, когда она поступит куда-нибудь. Ты же будешь получать эти месяцы деньги.

– Думаешь, она согласится?

Между ними повисает тишина, а я хочу кричать. Хочу наорать на этих стерв, которые так легко решают мою судьбу.

Ненавижу их. Ненавижу их!

– Тебе придется уговорить ее, – отвечает мама и встает. Я слышу, как вновь скрипят ножки стула.

– А если не получится?

– Если тебе все еще нужна доля в этой проклятой квартире, то все у тебя получится.

Козырь. В ее руках всегда был чертов козырь! И она наконец-то использует его. И все потому что хочет угодить своему новому мужу. Стерва! Грёбаная стерва!

Хлопает дверь. Сначала кухонная. Потом входная. Мама уходит. Тетя остается на кухне, где я ее и нахожу спустя пять минут. Мне нужно время, чтобы привести свои чувства в порядок. То есть создать видимость, что я в порядке.

– Она уже ушла? – удивленно спрашиваю я, будто не заметила ухода женщины, которая меня родила и когда-то бросила. Впрочем, она бросает меня всегда.

Тетя кивает и делает глоток остывшего чая. Вторая кружка стоит полной – к ней не прикасались.

– Что она хотела?

Тетя кривит усмешку, но вместо ответа качает головой. Я стою в дверях, жду, но молчание начинает давить на нас обеих.

– Я пойду к себе.

Тетя кивает. Она так и не рассказывает ни о чем. Зато у меня есть время, чтобы все обдумать. Не так важно, каков будет ответ тети. Захочет ли она играть по правилам своей сестры ради денег и доли. Но я уже все решила.

Будет сложно. Будет больно. Но я сделаю это...

Глава 6

– Ты же не потеряешься? – спрашивает Аня, когда наши объятия наконец-то размыкаются.

Я опускаю руки и отступаю, улыбаясь подруге. Наверное, я могу назвать Аню, с которой мы просидели за одной партой пять лет, своей подругой. Золотистые локоны падают на обнаженные плечи. На ней красное платье, которое выгодно оттеняет светлую кожу, усыпанную бледными веснушками. Она выбрала босоножки на высоком каблуке, поэтому теперь чуть-чуть выше меня, хотя у нас одинаковый рост.

Аня из тех немногих ребят, кто замечал меня в классе. Для остальных я же оставалась тенью с отличным аттестатом.

Впрочем, я здесь ради аттестата. На остальное плевать.

Сегодня выпускной, на мне самое обычное платье, которое есть в гардеробе, никакой замысловатой прически и кричащего макияжа, как у остальных девчонок. Я просто пришла сюда ради одной цели – попрощаться.

– Нет, конечно. Я же помню дорогу домой.

Аня, выпучив глаза, на миг замолкает, а потом начинает хохотать, запрокинув голову.

– Блин, Элл! Я же не про это.

– Да поняла я, – пожимаю плечами и вымученно улыбаюсь.

Если честно, настроение у меня так себе. После того, как тетя меня практически продала моей же матери за столь желанную долю в квартире, радоваться и веселиться нет никакого желания. Я, если честно, вообще не понимаю, как могу передвигаться, общаться и улыбаться, когда на душе так дерьмово, что хоть вой, хоть падай замертво.

– Ну, у тебя же все контакты сохранились?

– Конечно. Я напишу, как поступлю.

– Так и не скажешь, куда собралась?

Вновь пожимаю плечами.

– Рассматриваю несколько вариантов.

– Зато мне легко – художка, и всё тут.

Киваю в ответ. Аня предопределила свою судьбу еще в классе седьмом, когда выиграла городской конкурс. С тех пор она грезит собственными выставками и обещает, что однажды ее имя прогремит на весь мир. Желаю ей удачи, потому как искренне надеюсь, что подруга достигнет целей. Впрочем, у меня тоже есть цели.

– Ладно, я пойду.

Аня вновь бросается вперед и обнимает меня так, словно мы видимся в последний раз. Я не обещаю, конечно, что мы встретимся снова, но и не буду сопротивляться, если однажды она позовет меня прогуляться и поболтать обо всем на свете.

– Я буду скучать, – шепчет на прощание Аня и наконец-то отпускает меня.

Касаюсь ее плеча и, мило улыбнувшись, киваю.

Пора возвращаться в дом, который домом мне никогда не был.

Не знаю, что там приготовила тетя, но очень надеюсь на какой-нибудь праздничный торт. От сладкого бы не отказалась – за последнее время потратила столько энергии, что катастрофически нуждаюсь в килокалориях.

Я спешу покинуть школу, которую почти любила, и бегу к воротам. Там уже ожидает заказанное заранее такси. Сажусь в прохладный салон автомобиля, кладу рядом сумку и расстегиваю верхнюю пуговку на платье. Мне душно. Словно весь воздух давит, и я не могу никак надышаться.

Нервы. Тетя сказала бы, что я нервничаю. Так есть. Потому что впервые я не знаю, что будет после.

Такси останавливается напротив подъезда, я сую водителю пару банкнот, ведь у меня до сих пор нет карты. Не знаю, почему, но, вырвавшись из-под опеки, первым же делом закажу себе банковскую карту. Глядя на одноклассников, у которых есть карты, которые им заводят родители, чувствую себя дикой. Но, с другой стороны, благодаря наличности, которую всегда выдавала тетя, у меня есть зачка. На черный день.

Мало ли... Теперь я ничему не удивлюсь, когда мама решила поиграть в «маму», а тетя даже не сопротивляется.

Добираюсь до квартиры, бросая печальный взгляд на вечернее небо. Одноклассники поедут веселиться всю ночь. А я буду строить планы как не сойти с ума, если мне придется жить бок о бок с матерью.

Открываю дверь своим ключом. В коридоре темно.

Щелкаю выключателем.

Свет на миг ослепляет.

Я ахаю и отступаю, врезаясь лопатками в стену за спиной.

Передо мной стоят чемоданы и дорожные сумки. Кажется, все, что есть у нас.

Первая мысль – мы переезжаем. Куда-нибудь подальше. Но это глупо. Полная нелепица. Потому что тетя никуда отсюда не уедет. Это ее квартира.

Вторая мысль – уезжаю я. Тетя приняла решение, и я отправляюсь играть в *дочки-матери*, чтобы только угодить Самойлову и той женщине, которую упорно продолжаю называть своей мамой.

Чувствую себя преданной. И проданной. Проданной за долю в этой чертовой вонючей квартире и за стабильный банковский счет.

– О, ты уже пришла, – тетя выглядывает из моей комнаты. В ее руках пакет, набитый моими вещами. Потому что зачем ей еще выходить из спальни не с пустыми руками? – Давай уже проходи. Я сейчас чайник поставлю.

– Тетя... – мой голос предательски дрожит.

– Да? – она ставит пакет к остальным сумкам и смотрит на меня.

Я безмолвно открываю рот, с ужасом понимая, что лишилась дара речи. А ведь была готова к подобному. Я ведь была готова?..

На глазах собираются слезы.

Тетя отмахивается.

– Ой, давай без соплей. Иди переодевайся. Я там оставила кое-какие твои вещи. А потом приходи на кухню. Чай попьем и поговорим.

Она не ждет, когда я хоть как-нибудьотреагирую. Разворачивается и уходит.

Просто уходит, оставляя меня с испепеляющей болью в груди.

Вхожу в спальню на негнущихся ногах. Пустота едва не вышибает остатки воздуха из легких.

Приближаюсь к кровати. Она аккуратно заправлена, на покрывале лежит сверток из одежды, про которую говорила тетя. Переодеваться не тороплюсь, но вижу, что эта одежда не домашняя. Неужели я уеду уже сегодня?

Даже думать страшно.

Я еще не готова.

Рядом с кроватью стоит тумбочка. На ней – лампа, а рядом часы. Мои часы, которые я покупала год назад. Тетя их не убрала, а значит...

Надежда все еще теплится в груди, и я приближаюсь к комоду. Три ящика, и все они пусты. В шкафу только вешалки. Ничего нет. Даже моей старой одежды, из которой я выросла. Неужели тетя собрала всё, что есть? Неужели она больше никогда не захочет меня увидеть?

Она трогала мои вещи. Трогала все мои вещи. Белье, средства личной гигиены... Меня тошнит. Рвотный позыв скручивает живот, и я едва успеваю прижать ко рту ладонь. Не стошнило, что уже хорошо. Я часто дышу, но воздух будто не доходит до легких.

Страх душит. Страх сжимает горло ледяной лапой и пригвождает меня к полу. Двигаться не получается, как и ясно мыслить. И тогда я позволяю отключить голову и действую механически. Кладу на пустой комод сумочку, снимаю платье, аккуратно его сворачиваю. Переодеваюсь в приготовленную одежду. Собираю волосы в тугий узел на затылке. Разворачиваюсь и покидаю комнату.

Это чужой дум. Мне нужно помнить об этом.

Выхожу из комнаты, не закрывая дверь. Теперь там ничего моего не осталось.

Тетя ждет меня на кухне. Она разливает кипяток по чашкам. Чашка не моя. Из какого-то сервиза, который та редко достает из шкафа.

– Садись, – командует она, возвращаясь к плите. Ставит красный чайник в белый горшок и оборачивается. Быстро рассматривает мой внешний вид и явно удовлетворенная тем, что я ее послушалась и переделалась, кивает. – Будешь печенье или сделать бутерброды?

Ее голос звучит слишком мягко. Мне некомфортно. Это чужой человек. Тетя бы не спросила. Она просто достала бы из холодильника все, что есть, и мы бы ели молча. Но она хочет поговорить со мной.

Но хочу ли я говорить с ней?

Я присаживаюсь за стол. Складываю перед собой руки и жду, когда она опустится на свой стул напротив и наконец-то скажет то, что я не хочу слышать. Однако этого разговора не избежать.

– Как прошел выпускной?

– Нормально.

– Много народу было?

Киваю. На торжественную часть пришли учителя, родные выпускников. Было не протолкнуться. Весело, громко, со слезами на глазах. Я была одна. Тетя об этом знает.

Она не пошла, хотя я приглашала, потому что и звать-то некого. Мама бы не приехала. Я ей не нужна. А больше у меня никого и нет. Теперь я понимаю, почему тетя не пошла. Она была занята сбором.

– Я сама могла бы собраться, – отвечаю тихим, но твердым голосом. – Не нужно было рыться в моих вещах.

– Если ты беспокоишься за свою заначку, то она в синем чемодане. Я твои деньги не трогала.

Часто моргаю, уставившись на тетю. Та пожимает плечами и, развернувшись, тянется к кухонному гарнитуру, чтобы взять с него приготовленное заранее печенье. Угощает меня, я беру одну печенку, но не ем. Я просто не могу есть. Как же она это не понимает?!

Она ничего не понимает...

– За тобой приедут через час. Я уже позвонила, предупредила.

Киваю. Между нами повисает напряженная тишина. Тетя фыркает. Сдувает прядь темных волос, падающих ей на лоб, и гипнотизирует меня внимательным взглядом. Слишком пронзительным, чтобы не заметить.

– И ты ничего больше не спросишь?

– Я все слышала.

Теперь она кивает.

– Знаю. Я же прекрасно помню, что в ванной все слышно, – и пожимает плечами так, словно ничего ужасного не произошло. Но они же обсуждали мою судьбу! Буквально продавали меня!

Я злюсь, но внешне сохраняю спокойствие. Только истерик мне не хватало. Иначе не выдержу и сломаюсь. Но я должна быть сильной. Должна выдержать новый удар. Потому что смогу. Потому что иначе никак.

Потому теперь сама по себе. Одиночка.

– И что? Так просто?

Тетя злится. Ей не нравятся мои вопросы, но она уже приняла окончательное решение. Все, что я могу сейчас – попробовать понять ее.

– Разве доля в квартире дороже меня?

Тетя отмахивается. А после, положив ладони на стол, подается чуть вперед и смотрит на меня.

– Мы обе заложницы ситуации. Ты же это понимаешь, Элла?

Киваю.

– Тогда к чему эти вопросы? Я лишь делаю то, что случилось бы рано или поздно. Ты же не можешь жить со мной всю жизнь.

Мысленно соглашаюсь. Я и не собиралась. Но хотела уйти иначе. Уйти так, будто это было моим решением, а не потому, что кто-то так захотел. Последнее слово за мной. Но, видимо, в какой-то параллельной вселенной.

– Поживешь немного там, вдруг даже понравится. Я знаю, что у Самойлова просто огромный дом. Вы там навряд ли будете пересекаться. Лето пролетит незаметно, ты же знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.